

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АЗИИ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК

*К ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЮ
АНДРЕЯ НИКОЛАЕВИЧА
КОНОНОВА*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1966

ОБ ОБЛИКЕ ДРЕВНИХ ТЮРКОВ

В тюркологической литературе многократно и в разной связи затрагивались отдельные аспекты вопроса об облике древних тюрков, их физическом типе, прическе, одежде, украшениях и др. Однако выводы, основанные, как правило, на каком-либо одном виде источников — письменных, археологических, этнографических и др., были нередко весьма противоречивыми. Между тем наука располагает в настоящее время достаточным количеством исторических свидетельств, чтобы попытаться на основе комплексного привлечения источников реконструировать основные черты облика древних тюрков.

Известный исследователь Центральной Азии Г. Е. Грумм-Гржимайло в 1926 г. писал: «. . . физический тип древних турок нам неизвестен. . . Нет также надежды, что он когда-либо будет обнаружен, так как трупы умерших сжигались»¹. Грумм-Гржимайло был прав лишь в том, что вопрос об облике древних тюрков трудно разрешим для времени ранее VII в., когда в соответствии с погребальными обычаями их трупы сжигались. Но при кагане Хели (620—630), а возможно и ранее, погребальные обычаи тюрков меняются — они отказываются от сжигания умерших и хоронят их в земле².

Раскопки древнетюркских погребений, проведенные в Туве, на Алтае, в Монголии, Средней Азии и на других территориях, подтверждают это.

Накоплен сравнительно большой палеоантропологический материал из древнетюркских погребений, значительная часть

¹ Г. Е. Грумм-Гржимайло, *Западная Монголия и Урянхайский край*, т. II, Л., 1926, стр. 211 (далее — Грумм-Гржимайло).

² Liu Mau-tsai, *Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-türken (Tu-küe)*, Bd I, Wiesbaden, 1958, S. 193 (далее — Liu Mau-tsai). В каганском роде обычай сжигания трупов сохранялся позднее; по крайней мере каган Хсли, умерший в 634 г. в Китае, был по тюркскому обычаю сожжен, а над его могилой на восточном берегу р. Ба насыпан курган (Н. Я. Бичурин, *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*, т. I, М.—Л., 1950, стр. 256 (далее — Бичурин)).

которого исследована Г. Ф. Дебецом³, В. В. Гинзбургом⁴ и В. П. Алексеевым⁵. Палеоантропологические исследования позволили прийти к выводу, что древние тюрки на востоке своего расселения (Тува, забайкальские и монгольские степи) характеризуются преобладанием монгольского расового типа, а на крайних западных территориях своего проникновения (вплоть до восточноевропейских степей) имеют наибольшую европеоидную примесь⁶. Однако и на восточных территориях расселения древних тюрков, в том числе на востоке Казахстана, на Алтае и в Туве, при преобладании в целом монголоидности, на палеоантропологическом материале отчетливо фиксируется расовая неоднородность и значительная европеоидная примесь⁷.

Неоднородный антропологический тип несомненно явился отражением сложной этнической истории древних тюрков, основное ядро которых составляло племя ашина⁸. Вместе с тем можно полагать, что в период своего расселения на огромной территории евразийских степей во времена Тюркского каганата древние тюрки были носителями монголоидного расового типа. В период проникновения древних тюрков в Туву (VI—VII вв.) здесь заметно увеличивается удельный вес монголоидного компонента⁹.

Ценным источником для суждения об облике древних тюрков могут служить древнетюркские каменные изваяния Тувы, Алтая и Монголии. Мы разделяем точку зрения Л. А. Евтюховой о том, что изваяния, в которых обнаруживается стремление передать индивидуальный портрет, украшения и другие черты конкретного человека, являются изображениями самого умершего¹⁰. Нужно заметить, что еще С. В. Киселев указывал, что древнетюркские изваяния Алтая могут служить источником для суждения о внеш-

³ Г. Ф. Дебеч, *Палеоантропология СССР*, М.—Л., 1948, стр. 72—73, 199—208, 261—263.

⁴ В. В. Гинзбург, *Краниологические материалы из Северного Казахстана, и вопрос о происхождении ранних тюркских кочевников*, — КСИЭ, XXXV, 1961, стр. 95—99; его же, *Материалы к антропологии древнего населения Северного Казахстана*, — МАЭ, т. XXI, 1963, стр. 297—337 (далее — Гинзбург, *Материалы к антропологии*).

⁵ В. П. Алексеев, *Основные этапы истории антропологических типов Тувы*, — СЭ, 1962, 3, стр. 49—58 (далее — Алексеев).

⁶ Гинзбург, *Материалы к антропологии*, стр. 315—317.

⁷ Там же, стр. 317; Алексеев, стр. 55—58.

⁸ С. Г. Кляшторный, *Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии*, М., 1964, стр. 108—114.

⁹ Алексеев, стр. 54, 58.

¹⁰ Л. А. Евтюхова, *Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии*, — МИА, № 24, М., 1952, стр. 116 (далее — Евтюхова).

нем виде алтайцев¹¹. Рассмотрение таких изваяний с точки зрения антропологического типа изображенных на них людей совпадает с выводами, сделанными на основании изучения краниологического материала. Для изваяний характерна передача смешанного физического типа. Среди них мы можем найти отдельные изваяния скорее европеоидного, чем монголоидного облика, как, например, алтайское изваяние № 10 (по Евтюховой)¹² и тувинское изваяние № 4 (по Грачу)¹³. Однако на большинстве изваяний лица изображены с явными чертами монголоидности — уплощенными, со слабым выступанием носа. На некоторых изваяниях, например на тувинском № 37 (по Грачу)¹⁴, заметно стремление древнего скульптора передать в форме глаз один из монголоидных признаков — эпиканус. Очень выразительно подчеркнута монголоидность глаз на мужском портрете известного рисунка на древнетюркском валуне — «изваянии» из Кудыргэ на Алтае¹⁵.

О том, что в древнетюркской среде было принято носить усы и бороду, свидетельствует значительное число изваяний, на которых изображены усы и борода (по Евтюховой — около половины всех изваяний¹⁶, по данным Грача, из 58 тувинских изваяний 37 имеют усы или усы и бороду¹⁷). Усы и борода изображены также на мужском портрете на Кудыргинском валуне¹⁸.

О причесе древних тюрков в литературе было высказано два противоречивых мнения. Согласно точке зрения, разделяемой большинством авторов, тюрки времен каганата носили косы¹⁹. Вместе с тем некоторые исследователи (А. Д. Грач, М. И. Артамонов) настаивают на том, что центральноазиатские тюрки носили длинные волосы, распущенные по плечам.

Придерживаясь последней точки зрения, А. Д. Грач²⁰ основывается на переведенном Н. Я. Бичуриным тексте древнекитай-

¹¹ С. В. Киселев, *Древняя история Южной Сибири*, М., 1950, стр. 528, 529 (далее — Киселев).

¹² Евтюхова, рис. 3, 2.

¹³ А. Д. Грач, *Древнетюркские изваяния Тувы*, М., 1961, рис. 7, 8 (далее — Грач).

¹⁴ Грач, рис. 70.

¹⁵ А. А. Гаврилова, *Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен*, М.—Л., 1965, табл. VI—1 (далее — Гаврилова).

¹⁶ Евтюхова, стр. 72—120.

¹⁷ Грач, сводная таблица.

¹⁸ Гаврилова, табл. VI—1.

¹⁹ К. Shiratori, *The Queue among the Peoples of North Asia*, — «Memoirs of Research Department of the Toyo Bunko», IV, 1929; P. Demieville, *Le concile de Lhasa*, Paris, 1952, p. 209 (далее — Demieville); Liu Mau-tsai, II, S. 495, 528; К. Enoki, *On the nationality of the Ephtalites*, — «Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko», XVIII, 1956, p. 56; Юй Син-у, *Инь-дай ды сину*, — «Дунбэй жэнь минь дасюэ сюэбао», 1957, № 1, стр. 136.

²⁰ Грач, стр. 78.

ской хроники *Чжоу шу*, в котором говорится: «Обычай тукюэцев — распускают волосы»²¹. Л. Р. Кызласов, возражая Грачу, отметил, что современный исследователь китайских сведений о тюрках, Лю Мао-цай²² интерпретирует сочетание «распущенные волосы» (*пэй-фа*) в значении «косы» (*бянь-фа*)²³.

Однако отождествление терминов *пэй-фа* и *бянь-фа* было предложено впервые не Лю Мао-цаем, а китайскими исследователями XVIII в. Так, основоположник критической школы в китайской историографии Цуй Дун-би (1740—1816) в своем исследовании изречений Конфуция прямо говорит о том, что *пэй-фа* может иметь значение *бянь-фа*²⁴. Другой китайский историк Лю Бао-нань (начало XIX в.) пишет: «Согласно [китайскому] обычаю, по достижению определенного возраста юноша или девушка связывают волосы в пучок и укладывают его на голове. . . Варвары же не следуют этому обычаю и заплетают волосы так, чтобы они ниспадали назад»²⁵. Ссылаясь на средневековых комментаторов, он определяет основное значение *пэй-фа*, как «волосы, не связанные в пучок», т. е. носимые не по-китайски²⁶.

В китайских описаниях иноземных народов встречаются упоминания о двух типах некитайских причесок: коротко подстриженные волосы (*цзянь-фа*) и длинные ниспадающие волосы (*пэй-фа*). В первом случае подчеркивалось, что в отличие от обычаев китацев волосы подрезались; во втором противопоставлялась манера ношения длинных нестриженных волос. Таким образом, с точки зрения китайца косы относились к категории *пэй-фа*.

Это обстоятельство помогает нам уяснить смысл тех упоминаний о прическе древних тюрков, которые содержатся в «Истории агван Моисея Каганкатваца». Здесь мы снова сталкиваемся с кажущейся противоречивостью источника — точно так же, как противоречивы на первый взгляд свидетельства о прическе тюрков, содержащиеся в *Чжоу шу*. Автор «Истории агван» называет тюрков «звероподобным, златолюбивым народом косоносцев», но в другом месте изображает осаждающее Чора тюркское войско «безобразной, гнусной, широколицей толпой. . . в образе женщин с распущенными волосами»²⁷.

²¹ Бичурин, I, стр. 229.

²² Л. Р. Кызласов, Рец. на кн.: А. Д. Грач, *Древнетюркские изваяния Тувы*, — СА, 1964, № 1, стр. 355 (далее — Кызласов).

²³ Liu Mau-tsai, II, S. 495.

²⁴ Цуй Дун-би, *Луньюй цзучжэнцзи* [б. м.], [б. г.], разд. II, стр. 4.

²⁵ Лю Бао-нань, *Луньюй чжэнцзи*, — *Хуанцин цзинцзе сюйбянь*, т. II, Шанхай, 1889, разд. 155, стр. 40.

²⁶ Там же.

²⁷ *История агван Моисея Каганкатваца, писателя X века*, СПб., 1861, стр. 110, 105 (далее — *История агван*).

Интерпретируя эти сообщения Каганкатваца, М. И. Артамонов исходит из того, что в составе тюркского войска помимо собственно тюрков были также и представители других этнических групп, подчиненных им: «Жители полей и гор, живущие в городе или на открытом воздухе, бреющие головы и носящие косы»²⁸. По мнению М. И. Артамонова, косы носили угорские племена, бритыми головами отличались болгары, тюрки же носили длинные волосы, распущенные по плечам²⁹. Последнее утверждается со ссылкой на Бичурина и на византийского историка Агафия. Однако в тексте сочинения Агафия мы не обнаруживаем оснований для вывода о том, что тюрки не носили кос. Напротив, описывая обычаи франков, Агафий отмечает: «Запрещено правителям франков когда-либо стричься, и они остаются с детства нестриженными: как можно видеть, волосы их красиво падают на плечи, и спереди посредине разделены пробором, а не так, как у турок и аваров, — непричесаны, запущены или некрасиво заплетены»³⁰.

Это свидетельство Агафия является, с нашей точки зрения, аргументом не за, а против мнения о том, что тюрки не носили кос. В самом деле, в «Истории агван» длинноволосые тюрки противопоставляются жителям Албании, которые стригли волосы; в *Чжоу шу* говорится о том, что тюрки «распускают волосы», в отличие от китайцев, укладывавших волосы на макушке; наконец, в «Царствовании Юстиниана» противопоставляются два вида прически (свободно ниспадающие волосы и косы), которые с точки зрения китайца были бы объединены понятием *пэй-фа*. Таким образом, понятие «распущенные волосы», встречающееся в переводах китайских и армянских источников, отнюдь не идентично, так как сопоставляются различные типы прически.

С этой точки зрения ни в *Чжоу шу*, ни в «Истории агван» нет противоречий в описании прически тюрков — «звероподобного народа косноносцев». О косах у тюрков говорят все известные нам письменные источники³¹. В частности, автор *Синь тан шу* замечает при описании обычаев одной из народностей Юго-Восточной Азии: «заплетают косы подобно тюркам»³². Все это говорит о том, что косы были одним из этнических признаков тюрков на огромной территории от юго-востока Европы до Центральной Азии.

²⁸ *История агван*, стр. 104.

²⁹ М. И. Артамонов, *История хазар*, Л., 1962, стр. 155.

³⁰ Агафий, *О царствовании Юстиниана*, Перевод, статья и примечания М. В. Левченко, М.—Л., 1953, стр. 14.

³¹ Liu Mau-tsai, II, S. 53, 283, 467, 528—529. Ю. А. Зуев, *Китайские известия о Суябе*, — «ИАН КазССР», Серия истории, археологии, этнографии, вып. 3, Алма-Ата, 1960, стр. 88.

³² *Эршисы ши*, Пекин, 1958, т. 13, стр. 1575.

Было принято пошение также нескольких кос, о чем свидетельствуют каменные изваяния древних тюрков в Семиречье. Изваяния позволяют получить представление о том, как носили косы древние тюрки. Евтюхова отметила, что в двух случаях на тувинских изваяниях (№ 36 и 51) изображены волосы, расчесанные на прямой пробор и переходящие сзади в косу с прямым обрезом, причем на косе изваяния № 36 изображено переплетение прядей волос³³. Изображены косы также на изваяниях № 40 и 52 из Тувы (по Евтюховой)³⁴ и на изваяниях № 43 и 55 из Тувы (по Грачу)³⁵. Особенно интересно в этом отношении изваяние № 55. Изображенная здесь коса убрана, как было отмечено Грачом³⁶, в мешочек, из которого спускается лишь конец косы в виде кисточки.

Письменные источники не сохранили нам описания головных уборов древних тюрков, но достаточно полное представление о них дают каменные изваяния. На значительной части изваяний изображены головные уборы, которые Евтюхова делит на четыре типа: округлые, вероятно, меховые шапочки, головные уборы в виде усеченного конуса, шапки типа ушанок и, наконец, своеобразные шапки с остроконечным верхом и опускающимся на затылок выступом³⁷. Аналогичные типы головных уборов сохранились до недавнего времени у многих народов Средней Азии, монголов и тувинцев³⁸.

Из письменных источников науке сравнительно давно известно, что древние тюрки одевались в меха и халаты из грубой шерстяной ткани и подпоясывались кожаным ремнем с металлическими бляхами³⁹. Однако по поводу манеры запахивания халата — а это один из важных этнических признаков — нет единства мнений. Некоторые исследователи полагают, что древнетюркский халат запахивался направо. А. Д. Грач пишет, например, что на китайских погребальных статуэтках VII—IX вв. мы можем видеть тюркскую одежду — в тех случаях, когда левая пола показана наверху. В другом месте монографии А. Д. Грача встречается противоположное утверждение⁴⁰, но, как было разъяснено автором, в тексте была допущена опечатка. А. Д. Грач замечает по этому поводу: «Мною было неоднократно»

³³ Евтюхова, стр. 104.

³⁴ Евтюхова, рис. 23, 52, 61.

³⁵ Грач, рис. 78 и 92.

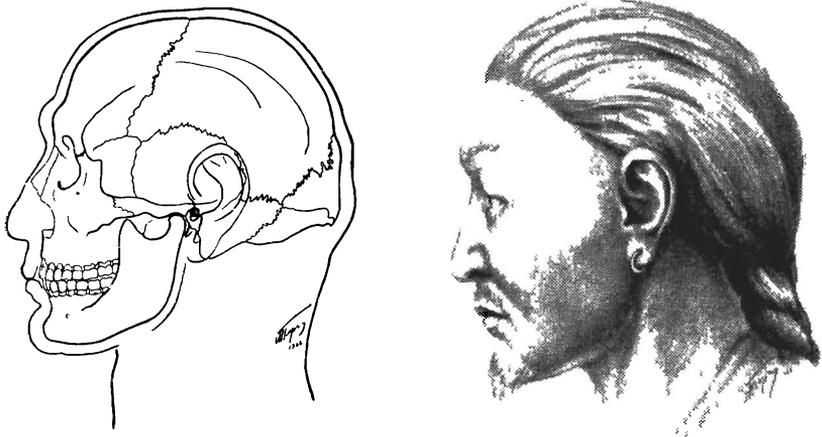
³⁶ Грач, стр. 52.

³⁷ Евтюхова, стр. 102—104.

³⁸ См. С. И. Вайнштейн, *Тувинцы-тоджинцы*, М., 1961, стр. 115—121.

³⁹ S. Julien, *Documents historiques sur Tou-kioe*, — JA, 6-ème série, III, 1864, p. 333; Грумм-Гржимайло, т. II, стр. 212.

⁴⁰ Грач, стр. 79, прим. 79; стр. 60.

Облик древнего тюрка, восстановленный по черепу.
Из раскопок С. И. Вайнштейна. Могильник Кокзаль, курган № 6. Тува.
Реконструкция М. М. Герасимова

подчеркнуто, что запахивание одежды справа налево. . . не тюркская черта»⁴¹. Кызласов также считает, что «тюрки-тугю. . . носили наверху левую полу»⁴². Среди сторонников данной точки зрения можно назвать также Л. Н. Гумилева. Рассматривая вопрос об этнической принадлежности воинов, изображенных на глиняных статуэтках из Туюк-Мазара, Л. Н. Гумилев замечает: «Они не китайцы, так как носят левую полу наверху (лево-полые-кочевники, в частности тюрки)»⁴³.

Это убеждение основывается на уже упоминавшейся фразе из китайской хроники *Чжоу шу*, которая в переводе Бичурина звучит так: «Обычай тукюэцев: распускают волосы, левую полу наверху носят»⁴⁴. В тексте первоисточника интересующее нас

⁴¹ А. Д. Грач, *По поводу рецензии Л. Р. Кызласова*, — СА, 1956, № 3, стр. 306.

⁴² Кызласов, стр. 355.

⁴³ Л. Н. Гумилев, *Статуэтки воинов из Туюк-Мазара*, — МАЭ, XII, 1949, стр. 239.

⁴⁴ Бичурин, стр. 229.

свидетельство выражено термином *цзо-жэнь* ⁴⁵. Сочетание *цзо-жэнь* употреблялось китайцами для характеристики северных кочевых племен уже с древности. В *Луньюй* приводятся слова Конфуция о том, что если бы не Гуань Чжун, одержавший победу над кочевниками, то древние китайцы были бы порабощены и им пришлось бы отказаться от своих ископных обычаев — они вынуждены были бы, в частности, запахиваться на варварский манер (*цзо-жэнь*) ⁴⁷. Объясняя это место источника, комментатор XIII в. Син Бин пишет: «*Жэнь* означает „пола“; если пола запахивается налево (*цзо*), то это называется *цзо-жэнь*» ⁴⁷. Такое толкование термина общепринято, и в новейшем издании энциклопедического словаря *Цыхай* мы находим следующее пояснение к этому термину: «*цзо-жэнь* — верхняя пола запахивается налево, в отличие от обычной, характерного для жителей Китайской равнины» ⁴⁸. Таким образом, перевод Бичурина является ошибочным: он прямо противоположен смыслу источника.

Обычай запахиваться направо (левая пола наверху) — одна из наиболее устойчивых традиций китайской одежды, прослеживаемая с I тысячелетия до н. э. вплоть до настоящего времени. Левый запах, с точки зрения древнего китайца, — признак, отличающий иноземца. Именно поэтому автор *Чжоу шу*, описывая обычай тюрков, специально отмечает две наиболее существенные особенности, не свойственные китайцам, — волосы, ниспадающие на спину, и одежда, запахиваемая налево.

У большинства исследователей интерпретация не расходится со смыслом первоисточника. П. Демийвиль, например, следующим образом переводит фразу из письма кагана Шабوليو, в котором тот сетует на невозможность изменить тюркские обычаи: «Уничтожить полу (их одежды, которая запахивалась налево)» ⁴⁹. На той же точке зрения стоит и Лю Мао-цай. Он неоднократно отмечает, что тюрки запахивались налево, и подчеркивает, что в этом их отличие от китайцев, которые носили одежду с правым запахом ⁵⁰.

Ошибка Бичурина повлекла за собой целый ряд досадных недоразумений. Обращаясь к изображению древнего тюрка, приводимому Лю Мао-цаем, А. Д. Грач пишет: «Любопытно, что, хотя прическа тюрка соответствует обычаям каганата, правая пола одежды у него наверху. Лю Мао-цай публикует это изображение вместе с фотографиями статуэток китайских горожан,

⁴⁵ *Эршиси ши*, т. 9, стр. 425.

⁴⁶ J. Legge, *Chinese Classics*, Peiping, 1940, vol. I, p. 228.

⁴⁷ Син Бин, *Луньюй чжэньи*, — *Шисань цзин чжюшу*, Пекин, 1957.

⁴⁸ *Цыхай*, Пекин, 1961, т. 1, стр. 410.

⁴⁹ Demieville, p. 209.

⁵⁰ Liu Mau-tsai, II, S. 8, 41, 496, 528.

причесанных по-китайски, но с левой полой наверху, по-тюркски. . . Лю Мао-цай использует эти примеры, чтобы показать, что в отдельных очень редких случаях культурное взаимовлияние древних китайцев и тюрков отражалось на манере ношения одежды»⁵¹. Однако в действительности, сопоставляя изображения китайцев и тюрка, Лю Мао-цай имел в виду отнюдь не манеру ношения одежды (левый или правый запáх). В этом отношении опубликованные им изображения не представляли ничего необычного: у китайцев, причесанных по-китайски, халат запахнут по-китайски, направо, а у тюрка — по-тюркски, налево. Внимание Лю Мао-цай привлекло другое — то, что как у тюрка, так и у китайцев халаты в данном случае имеют широкие вырезные лацканы. Автор цитирует работу японского исследователя Харады⁵², который пришел к выводу о том, что наличие вырезных лацканов на одежде некоторых китайцев танского времени свидетельствует о заимствовании ими некоторых элементов тюркского халата. В этой одежде с лацканами (Kragenrevers) Харада увидел так называемую «одежду варварского покроя эпохи Тан», — заключает Лю Мао-цай⁵³.

Каменные изваяния дают также некоторые материалы для суждения об одежде древних тюрков Саяно-Алтая и Монголии. На большинстве изваяний, на которых можно проследить запáх одежды, — он справа налево (правая пола наверху)⁵⁴, что подтверждает сообщения письменных источников по этому поводу. Однако нашему выводу, казалось бы, противоречат опубликованные Евтюховой прорисовки двух изваяний из Монголии (№ 77 и 78), где отчетливо виден запáх слева направо (левая пола наверху). Прорисовки сделаны по фотографиям Комитета наук МНР. Оба изваяния четко связаны стилистическим единством. Но они резко отличаются от хорошо известного круга древнетюркских изваяний. На это обстоятельство обратила внимание и Евтюхова⁵⁵. Не исключено, что указанные изваяния изображали людей в китайской одежде и были сделаны китайскими мастерами. По тем же причинам непригодно для изучения древнетюркской одежды и изваяние № 45 из Тувы (по Евтюховой)⁵⁶.

На ряде древнетюркских изваяний из Тувы (№ 6, 22, 24, по Грачу)⁵⁷ одежда изображена с широкими лацканами. Видимо,

⁵¹ Грач, стр. 79, прим. 22.

⁵² Харада Ёсито, *Сина тодай-но фукусёку*, — «Тосё тэйкоку даигаку бунгаку кийё», IV, 1921, стр. 76 (далее — Харада Ёсито).

⁵³ Liu Mau-tsai, I, S. 470.

⁵⁴ Грач, стр. 59, 60.

⁵⁵ Евтюхова, рис. 47, 2, 3; стр. 99.

⁵⁶ Евтюхова, рис. 27.

⁵⁷ Грач, рис. 14, 15, 40, 44; табл. I — 6, 22, 24.

это была характерная черта покроя халатов древних тюрков Центральной Азии, на которую обратил внимание еще Харада⁵⁸.

Рисунок, выгравированный на валуне из Кудыргэ, показывает нам, что халаты носили длинные, почти до земли (запахнуты халаты, разумеется, налево). Рисунок этот позволяет выявить еще одну деталь одежды: вдоль края верхней (правой) полы нашита широкая полоса, вероятно ткани более темного цвета, — обычай, в несколько измененной форме и поныне сохраняющийся в одежде народов Центральной Азии. На обкладке луки седла из древнетюркского погребения в Кудыргэ на Алтае можно увидеть выгравированные фигурки всадников в длинных штанах, стяннутых у щиколотки⁵⁹.

Раскопки древнетюркских погребений позволяют судить о покрое некоторых видов одежды, о материале, из которого шили одежду древние тюрки⁶⁰ (это была выделанная кожа домашних животных, меха, привозные шерстяные ткани и шелк), а также о покрое некоторых видов одежды. На ногах алтайские тюрки носили мягкие выворотные сапоги без каблуков, с носком, слегка загнутым кверху; сапоги обвязывались у щиколотки ремешком, застегивавшимся на пряжку⁶¹. Видимо, такой же обувью пользовались тюрки Тувы и Монголии.

Существенной частью костюма служил кожаный пояс, обычно богато украшенный нашивными бронзовыми, серебряными и даже иногда золотыми бляхами и пряжками. Подобные украшенные пояса упоминаются в различных письменных источниках, в том числе в енисейских древнетюркских надписях⁶². Они детально изображались почти на каждом каменном изваянии. Пояса с наборными бляхами имеются, по данным Евтюховой и Грача, почти на пятидесяти изваяниях Саяно-Алтая и Монголии⁶³. Обычно для украшений служили четырехугольные и полукруглые бляхи с прорезями в нижней части, а также сердцевидные. К поясам

⁵⁸ Харада Ёсито, стр. 76.

⁵⁹ Гаврилова, табл. VI—2, XVI—1.

⁶⁰ Киселев, стр. 498; Л. Евтюхова, С. Киселев, *Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г.*, — «Труды Гос. историч. музея», XVI, 1941, стр. 110, 111 (далее — Евтюхова и Киселев); В. Радлов, *Сибирские древности*, — «Записки русского археологического общества», VII, СПб., 1895, стр. 183; А. Д. Грач, *Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в центральной Туве*, — «Труды ТРЭАН», т. 1, М.—Л., 1960, стр. 31; С. И. Вайнштейн, *Памятники второй половины первого тысячелетия в Западной Туве*, — «Труды ТРЭАН», т. 2, М.—Л., 1966, стр. 325 и др.

⁶¹ С. В. Киселев, стр. 526.

⁶² С. Е. Малов, *Енисейская письменность тюрков*, М.—Л., 1952, стр. 17, 27, 46, 95, 97.

⁶³ Евтюхова, стр. 108; Грач, сводная таблица.

подвешивались своеобразные фигурные пряжки, к которым привязывались мешочки и сабли, а возможно и кинжалы.

Детали подобных поясов, а иногда и целые пояса находили в древнетюркских курганах. Такие пояса найдены Евтюховой и Киселевым на Алтае⁶⁴ и Вайнштейном в Туве⁶⁵. Примечательно то, что пояс, найденный Вайнштейном в кургане в урочище Кара-Чога (Тува), поразительно схож с поясом, изображенным на тувинском каменном изваянии № 36 (по Евтюховой)⁶⁶, стоявшем на берегу р. Шеми. Эти пояса украшены бляхами: справа и слева с них свисают группы узких ремешков с концевыми бляхами, причем в каждой группе висит лировидная пряжка.

Наборные пояса были широко распространены в кочевнической среде, от Центральной Азии до Передней Азии и восточно-европейских степей.⁶⁷

Характерным украшением древнего тюрка были серьги, которые носили как женщины, так и мужчины. Серьги изображались на каменных изваяниях⁶⁸, их иногда находят в могилах. Серьги делали из бронзы, серебра и золота. Некоторые из них достигают большого ювелирного совершенства⁶⁹. В древнетюркское время они также были очень широко распространены у кочевников Евразии, вплоть до Северного Кавказа.

Костюм мужчины дополнялся обычно оружием, висевшим на поясе — кинжалом или мечом (или саблей). Изображения оружия — мечей, сабель, кинжалов — на каменных изваяниях встречаются довольно часто⁷⁰.

Рассмотренные вопросы, особенно те, что относятся к прическе и манере запахивания халата, имеют большое значение для атрибуции обширного иконографического материала и характеризуют важные этнографические черты облика древних тюрков⁷¹.

⁶⁴ Евтюхова и Киселев, табл. III, рис. Б, 15.

⁶⁵ С. И. Вайнштейн, *Археологические раскопки в Туве в 1953 г.*, «Уч. зап. ТНИИЯЛИ», вып. II, Кызыл, 1954, стр. 148—154, табл. VIII, рис. 9.

⁶⁶ Там же, рис. 9; Евтюхова, рис. 20.

⁶⁷ N. Fettich, *Metallkunst der länderehrenden Ungarn*, — «Archaeologia Hungarica», T. XXI, 1937, табл. XVII, рис. 1—4; табл. XVIII, рис. 26—69; R. Ghirschman, *Scènes de banquet sur l'argent de roi sassanide*, — «Artibus Asiae», XVI, 1/2, 1953, стр. 69—70; В. И. Распопова, *Наборный пояс согда VII—VIII вв.*, — СА, 1965, 4, стр. 78—91.

⁶⁸ Евтюхова, стр. 105, 106.

⁶⁹ Евтюхова и Киселев, рис. 17, 23; Евтюхова, рис. 62; С. И. Вайнштейн, *Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956—1957 гг.*, — «Уч. зап. ТНИИЯЛИ», вып. VI, Кызыл, 1958, табл. IV, рис. 134, 135.

⁷⁰ Евтюхова, стр. 110—113.

⁷¹ Авторы приносят глубокую благодарность М. М. Герасимову за выполненную им для данной работы реконструкцию облика древнего тюрка по черепу из могильника Кокаль.